

УДК 801.6:81'373.231:82-1Бродский

О РОЛИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ФОРМИРОВАНИИ СМЫСЛА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (на материале лирических произведений И.А. Бродского)

Наталья Михайловна Нестерова

д. филол. н., профессор кафедры иностранных языков,
лингвистики и межкультурной коммуникации

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29. nest-nat@yandex.ru

Марина Ураловна Худайбердина

аспирант кафедры иностранных языков,
лингвистики и межкультурной коммуникации

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29. marina_X25@mail.ru

Статья посвящена выявлению роли имен собственных в формировании смысла при восприятии поэтического текста. Основываясь на теории смысла А.И.Новикова, авторы ставят своей целью проанализировать смыслообразующую функцию имен собственных. Материалом для исследования послужило творчество И. Бродского. Выбор материала обусловлен обилием имен собственных в произведениях этого поэта, а также их культурной маркированностью и связанностью с другими текстами. Приводятся результаты эксперимента, направленного на выявление роли имен собственных в смысловом восприятии поэтических текстов и проведенного для верификации точки зрения авторов работы. Полученные результаты позволяют утверждать, что имена собственные играют роль актуализаторов смысла при восприятии текста.

Ключевые слова: имя собственное; аллюзивный; прецедентный; смысл; содержание.

Исследование имен собственных, как известно, занимало философов и ученых еще в античности. Их особое положение в языке и отличие от нарицательных отмечалось многочисленными исследователями. В частности, А.Соломоник подчеркивал, что имена собственные всегда соотносятся с отдельными предметами, а имена нарицательные обозначают целый класс однородных предметов, обобщая их в единое понятие [Соломоник 2002: 280]. Естественно, что в этих условиях имя собственное ближе к обозначаемому, чем имя нарицательное. Не случайно Гете в своей автобиографической книге «Поэзия и правда» писал: «Имя человека не плащ, болтающийся у него на плечах, который можно прилаживать и одергивать, но плотно, точно кожа, облегающее платье, его нельзя соскоблить или порезать, не поранив самого человека» [см.: там же].

Находясь на особом положении в языке, имена собственные (ИС) занимают особое место и в художественном тексте. Нужно отметить, что в последнее время интерес к изучению собственных

имен в художественных текстах растет, что объясняется расширением исследований в сфере общей и частной поэтики, стилистики, языка художественной литературы, лингвистики текста. Особое внимание уделяется исследованиям ономастического пространства отдельного писателя (см.: В.М.Калинкин 1999; Н.В.Васильева 2005; М.В.Горбаневский 1983; 1987; 2002; 2005; 2010; В.П.Григорьев 2005 и др.).

Тема нашего исследования – специфика ономастического пространства в поэзии И.А.Бродского. Известно, что ономастическое пространство произведений Бродского весьма разнообразно: оно включает в себя такие виды имен собственных, как антропонимы, топонимы, мифонимы, фиктонимы и мн. др. Можно сказать, что, с одной стороны, эти имена эксплицируют культурную память поэта, а с другой – вписывают поэзию Бродского в интертекстуальное пространство мировой культуры, поскольку создают связи его произведений с другими (самыми различными) культурными текстами: мифами Греции и Ри-

ма, Библией, произведениями Гомера и других античных авторов, а также текстами иных стран и эпох. А.Ранчин в своей работе, посвященной интертекстуальным связям поэзии И.Бродского, отмечает, что по своей поэтической установке Бродский близок к акмеистам с их ориентацией на «мировой поэтический текст». Но если Ахматова или Мандельштам «размыкали» свое творчество и мировую литературу, то Бродский как бы «заклучает» ее всю в собственные произведения. В первом случае поэт – участник диалога с традицией, во втором – наследник и хранитель культурных ценностей [Ранчин 2001: 418]. Мы знаем, что О.Э.Мандельштам охарактеризовал акмеизм как «тоску по мировой культуре», но это относится и ко всему Серебряному веку в целом. Творчество Бродского также можно назвать одним из ярчайших примеров такой «тоски»: культура для него – источник его поэзии, именно в ней он находит вдохновение и образы, которые им переосмысливаются и органично вписываются в ткань его собственных произведений.

Обилие ИС в стихах И.Бродского, их культурная маркированность (аллюзивность и прецедентность) позволяют предположить, что они (ИС) являются смысловыми вехами и даже доминантами в текстах поэта.

Выделение смысловых вех в тексте непосредственно связано с определением понятия «смысл». Д.А.Леонтьев очень точно заметил, что смысл имеет природу Протея и практически не поддается определению: он «изменчив, текуч, многолик и не имеет границ» [Леонтьев 2003: 5]. В своем исследовании мы опираемся на концепцию смысла, предложенную А.И.Новиковым, поскольку считаем, что именно ему удалось дать наиболее операциональные определения смысла и содержания текста. Именно он попытался ответить на вопрос, что и в каком «виде» реально существует в тексте. А.И.Новиков провел множество экспериментальных исследований, в результате которых пришел к выводу об онтологическом различии смысла и содержания текста: «Содержание и смысл – это разные ментальные образования. И содержание, и смысл являются результатом понимания. Но в основе их формирования лежат различные речемыслительные механизмы. Содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл — это мысль об этой действительности, т. е. интерпретация того, что сообщается в тексте. Содержание базируется на денотативных (референтных) структурах, отражающих объективное «положение вещей» в мире. Смысл же базируется в определенной степени на уяснении «сути дела», запро-

граммированной автором в замысле и реализованной определенными средствами в самом тексте» [Новиков 2000: 5]. Итогом размышления ученого становятся четкие определения содержания и смысла как ментальных образований: содержание – это проекция текста на сознание, смысл – это обратная проекция сознания на текст. Из вышесказанного можно сделать вывод: содержание объективно, смысл же всегда субъективен. Отсюда и следует самый важный, на наш взгляд, вывод: «Текст сам по себе не имеет смысловой структуры. Смысловая структура является принадлежностью не текста, а смысловой сферы личности, воспринимающей и осмысливающей текст. Принадлежностью текста является структура содержания, понимаемая как такое образование, которое формируется в сознании под непосредственным воздействием всей совокупности языковых средств, составляющих этот текст, и которое базируется на координатах объективной действительности, отражаемых сознанием и позволяющих ориентироваться личности в этой действительности» [Новиков 2002: 179]. Так появляется ответ на вопрос о том, что объективно представлено в самом тексте. Это содержание. Смысл же не конструируют, его открывают, усматривают.

В поисках решения проблемы смысла и создания соответствующей теории А.И.Новиков обращается к классическим трудам отечественных исследователей, в частности, он «открывает» для себя теорию доминантности А.А.Ухтомского. Именно последняя, считает А.И.Новиков, может во многом объяснить природу смысла. Термином «доминанта», как известно, А.А.Ухтомский обозначал «господствующий очаг возбуждения, предопределяющий в значительной степени характер текущих реакций центров в данный момент» [Ухтомский 2002: 39]. При этом он считал, что о принципе доминанты можно говорить как об общем *modus operandi* центральной нервной системы, а не только коры головного мозга. Именно этот «более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров» вне зависимости от того, каким раздражителем он был вызван, определяет наше поведение, включая восприятие и понимание, поскольку «в высших этажах и в коре полушарий принцип доминанты является физиологической основой акта внимания и предметного мышления» [там же: 46].

Говоря о роли доминанты в нашем поведении и восприятии мира, Ухтомский, в частности, подчеркивал: «Нам кажется, что мы принимаем решение и действуем на основании того, как представляем себе положение вещей в мире, а фактически мы и существующее положение вещей в мире видим сквозь призму наших доминант», дру-

гими словами – «мы можем воспринимать лишь то и тех, к чему подготовлены наши доминанты» [Ухтомский 2002: 39].

Применительно к тексту его идея, как нам кажется, заключалась в том, что именно доминанта как очаг возбуждения, возникающий в момент восприятия текста и вызванный этим текстом, определяет то, как мы «видим» воспринимаемый текст. Возникновение той или иной доминанты зависит от наших прошлых доминант, от их следов. Этим и объясняется различие восприятия одного и того же текста разными людьми и даже одним и тем же человеком в разные периоды его жизни. Вот почему мы читаем и перечитываем одни и те же тексты, «открывая» для себя каждый раз новые смыслы. И вот почему А.И.Новиков считает, что интегративным признаком смысла может стать явление, аналогичное явлению доминанты, в связи с чем он и писал: «Доминанта, возникая в сознании, стягивает вокруг себя содержание, **переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство**» (выделено нами. – Н.Н.; М.Х.) [Новиков 2007: 56].

Хорошо известно и совершенно очевидно, что слова в тексте далеко не равнозначны с точки зрения его смыслового восприятия. Наиболее существенные — это те, которые позволяют представить текст в свернутом виде [Новиков 2007: 56]. Они и называются смысловыми вехами, опорными пунктами, актуализаторами смысла и т. д. «Единицы типа смысловых вех, опорных пунктов — это слова или словосочетания, которые выделяются испытуемыми в процессе анализа текста как наиболее важные, наиболее существенные компоненты текста и которые способствуют его пониманию, запоминанию и последующему воспроизведению» [там же: 66]. А.А.Смирнов отмечает, что «опорный пункт» не есть простой член ассоциативной связи, объединенный с равноправными с ним другими ее членами. Он является выразителем некоторого общего смысла, объединяет в себе все, что относится к нему на смысловой основе. Все, что опирается на него, не противостоит ему, а является тем, что в каком-то особом смысле уже содержится в нем самом» [Смирнов 1966: 222].

Исходя из приведенных выше определений «смысловых вех», считаем, что в процессе восприятия стихов И.Бродского, содержащих имена собственные, последние и являются теми самыми смысловыми вехами, т. е. актуализаторами смысла, так как обладают смыслообразующей функцией. Имена собственные, составляющие ономастическое пространство поэзии Бродского, являются в большинстве как аллюзивными, так и преце-

дентными, что позволяет назвать их аллюзивно-прецедентными. В литературной ономастике выделяют аллюзивные и прецедентные имена, однако нет четких критериев, указывающих на их принципиальное различие. Так, А.Ю.Аристов полагает, что различие между прецедентными феноменами и аллюзиями состоит в характере ассоциативного механизма тех и других. Прецедентные имена, по его мнению, ассоциируются непосредственно с конкретным прототипическим событием, а имена аллюзивные – с прототипическим объектом [Аристов 2010]. Однако указанное различие не дает, например, ответа на вопрос: к каким именам нужно отнести имя «Ахиллес», поскольку оно может говорить и о человеке с таким именем, и о событиях, с ним случившихся. Считаем, что права Т.М.Наумова, когда она пишет: «Представляется, что аллюзивные имена собственные входят в класс прецедентных. Аллюзивным мы считаем такое прецедентное имя собственное, недотативное значение которого приобрело устойчивый характер. Вторичные номинации таких имен собственных отражены в лексикографических источниках, кроме того, аллюзивные онимы проявляют тенденцию к переходу в имена нарицательные» [Наумова 2011]. Таким образом, считаем, что мы вправе называть имена собственные, используемые И.Бродским в большинстве его поэтических произведений, аллюзивно-прецедентными именами собственными, и как таковые они являются, с одной стороны, интертекстуальными элементами, а с другой – смыслообразующими.

С целью иллюстрации нашей точки зрения был проведен эксперимент, направленный на выявление роли ИС в смысловом восприятии поэтических текстов И.Бродского. Для эксперимента были выбраны два стихотворения: «Одиссей Телемаку» и «По дороге на Скирос». Выбор именно этих произведений был обусловлен тем, что в них содержатся имена собственные, которые, во-первых, хорошо знакомы широкому кругу читателей, во-вторых, они отсылают к известным прецедентным текстам (Гомер, Гумилев, Мандельштам, Джойс и др.).

Кроме того, выбор данных стихотворений был обусловлен их принадлежностью к жанру лирического нарратива, так как, на наш взгляд, в них есть все его признаки. «Согласно классическому определению Ж.Женетта, нарратив характеризуется наличием трех элементов: истории как повествовательного означаемого, повествования как означающего (то есть как повествовательного дискурса) и наррации как порождающего повествовательного акта» [Чевтаев]. Таким образом, тексты, называемые нарративными в структуралистском смысле слова, излагают, обладая на уровне изо-

бражаемого мира темпоральной структурой, некую историю. Нарративность (т. е. наличие истории) выбранных текстов, на наш взгляд, способствует выделению их содержания.

Приведем первое из предложенных испытуемым стихотворений и рассмотрим полученные в ходе эксперимента ответы испытуемых.

Одиссей Телемаку

*Мой Телемак,
Троянская война*

окончена. Кто победил - не помню.

*Должно быть, греки: столько мертвецов
вне дома бросить могут только греки...*

И все-таки ведущая домой

*дорога оказалась слишком длинной,
как будто Посейдон, пока мы там
теряли время, растянул пространство.*

*Мне неизвестно, где я нахожусь,
что предо мной. Какой-то грязный остров,
кусты, постройки, хрюканье свиней,
заросший сад, какая-то царица,
трава да камни... Милый Телемак,
все острова похожи друг на друга,
когда так долго странствуешь, и мозг
уже сбивается, считая волны,
глаз, засоренный горизонтом, плачет,
и водяное мясо застит слух.*

*Не помню я, чем кончилась война,
и сколько лет тебе сейчас, не помню.*

*Расти большой, мой Телемак, расти.
Лишь боги знают, свидимся ли снова.*

*Ты и сейчас уже не тот младенец,
перед которым я сдержал быков.*

Когда б не Паламед, мы жили вместе.

*Но может быть и прав он: без меня
ты от страстей Эдиповых избавлен,
и сны твои, мой Телемак, безгрешны.*

[Бродский 2008: 93]

В данном стихотворении присутствуют шесть имен собственных, это мифонимы-антропонимы или производные от них – *Одиссей*, *Телемак*, *Паламед*, *страсти Эдиповы*, мифоним-хроним *Троянская война*, мифоним-теоним *Посейдон*. Все они являются аллюзивно-прецедентными.

Проведенный нами эксперимент планировался по образцу тех, что проводил А.И.Новиков для изучения восприятия текста. В эксперименте участвовали две группы испытуемых. Первую группу составляли студенты первого и второго курсов разных специальностей механико-технологического и гуманитарного факультетов Пермского государственного технического университета. Во вторую группу вошли специалисты в разных об-

ластях знаний, как технических, так и гуманитарных. Испытуемым первой (45 чел.) и второй (20 чел.) групп были даны следующие задания: 1) выделить ключевые слова (для запоминания текста); 2) ответить на вопрос: в чем состоит содержание текста? 3) ответить на вопрос: в чем они видят смысл текста?

Ответы испытуемых подверглись количественному и качественному анализу. Количественный анализ состоял в вычислении 1) соотношения количества имен собственных, выделенных испытуемым в ключевых словах, к количеству всех ключевых слов, выделенных испытуемым; 2) соотношения количества имен собственных, выделенных испытуемым для выражения содержания текста, к количеству лексических единиц, выделенных испытуемым для выражения содержания текста; 3) соотношения количества имен собственных, выделенных испытуемым для выражения смысла текста, к количеству лексических единиц, выделенных испытуемым для выражения смысла текста; 4) соотношения имен собственных, выделенных в качестве ключевых слов, к общему количеству имен собственных в тексте. Такой анализ позволил установить, во-первых, являются ли ИС ключевыми словами, во-вторых, насколько они влияют на формирование содержания и смысла в сознании испытуемых.

Первым заданием было выделить ключевые, необходимые для запоминания текста слова. Ключевые слова, по мнению А.И.Новикова, выступая как компоненты потенциальной темы, активизируют в сознании соответствующие элементы знания, имеющего когнитивно-тематическую организацию, вместе с их связями и отношениями, с одной стороны. С другой стороны, ключевые слова, выступающие в роли подтем, ограничивают тематический ряд, влияют на отбор языковых средств и общую организацию порождаемого текста. Тем самым такой набор ключевых слов выступает как потенциальный общий смысл текста. В связи с этим и можно рассматривать ключевые слова как материальные носители смысла. Хотя сами они и не являются смыслом, они отсылают к нему и тем самым эксплицируют его. Ключевые слова, находясь в тексте, являются словами естественного языка, но, будучи выделенными из текста, приобретают иной статус: они начинают представлять не только свое собственное значение, но и содержание, смысл замещаемых ими больших отрезков текста [Новиков 2007: 64]. Соответственно, являясь материальными носителями смысла, они в соответствии с принципом доминантности стягивают вокруг себя смысл всего текста. Поэтому нас и интересовало процентное соотношение количества имен собственных, вы-

деленных испытуемым в качестве ключевых слов, к количеству всех ключевых слов, выделенных испытуемым.

Результаты количественного анализа эксперимента представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1 (Первая группа испытуемых)

Параметр анализа	«Одиссей - Телемаку»	«По дороге на Скирос»	Среднее значение
Имена собственные как ключевые слова	0,39	0,31	0,35
Степень влияния ИС на формирование понимания	0,28	0,11	0,19
Степень влияния ИС на формирование смысла	0,14	0,05	0,10
Соотношение ИС, выделенных в качестве ключевых слов, к общему количеству ИС	0,48	0,41	0,45

Таблица 2 (Вторая группа испытуемых)

Параметр анализа	«Одиссей - Телемаку»	«По дороге на Скирос»	Среднее значение
Имена собственные как ключевые слова	0,26	0,15	0,20
Степень влияния ИС на формирование понимания	0,05	0,03	0,04
Степень влияния ИС на формирование смысла	0,05	0,11	0,08
Соотношение ИС, выделенных в качестве ключевых слов, к общему количеству ИС	0,41	0,26	0,34

Таким образом, количественный анализ позволяет сделать вывод, что имена собственные используются испытуемыми и в качестве ключевых слов, и при описании смысла и содержания текста. Как уже было сказано, набор ключевых слов выступает как потенциальный общий смысл текста, поэтому мы считаем приемлемым полученное процентное значение 0,25 – 0,30 в вычислении параметра «Имена собственные как ключевые слова», так как оно доказывает важность имен для испытуемых, выделяемых в качестве ключевых, ввиду того, что эти имена эксплицируют не только смысл самого текста, но, будучи аллюзивно-прецедентными, и ситуации или тексты, с ними связанные.

Среди ключевых слов, выделенных испытуемыми, были все имена собственные, присутствующие в тексте. Наиболее частотными являются: Одиссей, Телемак, Троянская война, Посейдон, страсти Эдиповы. Самым «редким» ключевым словом из имен собственных оказалось имя Паламеда (эвбейского героя, разоблачившего мнимое сумасшествие Одиссея). Это имя было названо только три раза, что объясняется тем, что оно является (по сравнению с другими именами собственными, встречающимися в тексте) малоизвестным.

Итак, уже на начальном этапе эксперимента выяснилось, что имена собственные являются но-

сителями смысла, так как их выделяют в качестве ключевых слов текста.

Следующим этапом был качественный анализ ответов испытуемых, целью которого было проанализировать ответы, полученные при выполнении второго и третьего заданий (вопросы о содержании и смысле текста), чтобы сделать вывод о влиянии имен собственных на смысловое восприятие текста.

Как уже говорилось выше, в определении содержания и смысла текста мы основываемся на концепции А.И.Новикова: содержание — это проекция текста на сознание, смысл — это обратная проекция сознания на текст. Из вышесказанного можно сделать вывод: содержание объективно, смысл же всегда субъективен. Мы также воспользовались такими его терминами, как «эндо-лексика» (лексика, извлекаемая испытуемыми из текста) и «экзо-лексика» («отстраненная лексика», используемая испытуемыми в определении смысла текста и не содержащаяся в тексте). Согласно А.И.Новикову, лексические единицы, принадлежащие к экзо-лексике, являются как бы внешними по отношению к данному тексту, взятыми из какого-то иного ряда, чем собственные его единицы. Именно они делают возможным смысловое свертывание текста, которое происходит за счет высокой степени обобщения, поскольку используемые для этой цели единицы берутся

из понятийного ряда и являются по своей сути концептами [Новиков 2007: 62].

Итак, проанализируем ответы на второй и третий вопросы. Рамки статьи не позволяют нам привести все ответы испытуемых, поэтому ограничимся несколькими примерами, наиболее типичными для каждой группы. Сначала приведем несколько ответов на второй вопрос (о содержании текста).

Первая группа

Исп. 1. «Это стихотворение о **Троянской войне**. Послание **Одиссея** своему сыну **Телемаку**».

Исп. 2 «Этот текст о том, как **Одиссей** рассказывает **Телемаку**, как он возвращается домой с войны, и о том, что ему попадается в пути».

Исп. 3. «**Одиссей** возвращается домой с войны, но дорога слишком длинная и он давно не был дома, он обращается к своему сыну».

Вторая группа

Исп. 1. «**Одиссей**, обращаясь к своему сыну **Телемаку**, размышляет о своей несложившейся судьбе. Все стихотворение пронизывает тоска по родному дому».

Исп. 2. «Измученный странствиями **Одиссей**, находящийся на острове Цирцеи, шлет мысленное послание сыну. Он силится вспомнить прошлое, но подробности ускользают от его сознания, бессиленному бесконечной дорогой».

Исп. 3. «Текст является посланием отца к сыну, **Одиссея** к **Телемаку**. Текст о страданиях отца вдали от дома, от сына. О человеке, который запутался. О печали и боли человека, об упущенных возможностях, утраченном времени и утраченной жизни».

Таким образом, можно сделать вывод, что имена собственные, будучи эндо-лексикой, действительно участвуют в формировании понимания содержания: испытуемые используют их, когда пишут, о чем этот текст, они помогают понять, кто является героями стихотворения и в каких отношениях они состоят друг с другом. Хотя, разумеется, степень понимания содержания текста зависит от уровня подготовленности человека и его кругозора.

Что касается влияния имен собственных на формирование смысла (третий вопрос), то здесь дело обстоит следующим образом:

Первая группа

Исп. 1. «Война – это плохо. В горе трупов невозможно найти победителя».

Исп. 2. «Все войны одинаковы, и нет победителей».

Исп. 3. «Главная мысль – о разлуке отца и сына».

Вторая группа

Исп. 1. «Тоска Одиссея по сыну и размышление о своей судьбе изгнанника».

Исп. 2. «Сожаление о прошлом, о войне, о том, что, возможно, он не увидит сына, тяжесть и неизбежность бесконечного путешествия. Однако при всем миноре присутствует какая-то теплая нежность отца к своему сыну, которого он не знает, но с которым он хочет поделиться опытом и которому желает стать настоящим мужчиной ("ты от страстей Эдиповых избавлен")».

Исп. 3. «В этом послании автор передает боль человека, боль заблудшей души. Вдали от дома, от семьи, от сына. Автор пытается сказать, что человек, каким бы ни было его предназначение, будь то воин, поэт, путешественник, какими бы ни были его достижения, слава, победа, всеобщее преклонение, – всегда будет помнить о доме, о семье, о самых близких людях. И исходя из того как сложилась судьба этого человека, он будет чувствовать счастье либо мучительную боль при мыслях о сыне, как герой данного текста. Смирение со своей судьбой и даже некое успокоение самого себя автор передает в последних строчках текста, в этом проявляется сущность людей, когда выхода нет, остается смириться и в некотором смысле успокаивать себя, как и делает главный герой».

Итак, как мы видим, происходит именно то, о чем писал А.И.Новиков. Если в описании содержания текста непосредственно присутствует эндо-лексика, то, когда дело касается передачи смысла произведения, происходит переход на другой уровень и аллюзивно-прецедентные имена собственные, будучи эндо-лексикой, исчезают, заменяясь экзо-лексикой, являющейся способом обозначения уже не конкретных предметов (людей), а концептов, таких как «война», «разлука», «тоска», «сожаление», «нежность», «боль», «смирение» и т. д. Таким образом, происходит своего рода перевод на метаязык, в чем принимают непосредственное участие аллюзивно-прецедентные имена собственные, являясь дополнительным источником информации. И то, что понимание смысла у разных испытуемых оказалось тоже разным, в то время как понимание содержания в основном совпадало, служит лишним доказательством того, что содержание объективно (т. е. возможен некий инвариант), а смысл субъективен.

Проведенный анализ показал, что аллюзивно-прецедентные имена собственные действительно являются смысловыми вехами, смыслообразующими элементами текста, от степени их «узнаваемости» зависит понимание содержания и соответственно формирование смысла текста. Полученные результаты еще раз дают возможность убедиться в корректности определений содержания

(как проекции текста на сознание) и смысла (как проекции сознания на текст), данных А.И.Новиковым. Анализ ответов испытуемых, на наш взгляд, свидетельствует о том, что имена собственные, будучи «индексальными знаками» в тексте [Бразговская 2006], отсылают к другим текстам культуры, связи с которыми являются также смыслообразующими. Таким образом, имена собственные (особенно если они выступают как аллюзивно-прецедентные) в тексте становятся той доминантой, которая, как писал А.И.Новиков, «стягивает вокруг себя содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство».

Список литературы

Аристов А.Ю. Интерпретация лингвокультурного фона в произведениях англоязычных авторов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. URL: www.pgsga.ru/science/aspirant/avtoreferaty/aristov.doc (дата обращения: 14.04.2010)

Бразговская Е.Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста) / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2006. 192 с.

Бродский И.А. Осенний крик ястреба: стихотворения. СПб: Изд. дом «Азбука-классика», 2008. 544 с.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М.: Смысл, 2003. 487 с.

Наумова Т.М. Аллюзивные антропонимы в британской концептосфере: автореф. дис. ... канд. филол. наук. URL: <http://www.lunn.ru/?id=8458> (дата обращения: 28.06.2011)

Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики—2001. М.: Азбуковник, 2002. С.155–181.

Новиков А. И. Содержание и смысл текста // Вестн. Ярослав. пед. ун-та. 2000. №3. С.3–11.

Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н.В.Васильевой, Н.М.Нестеровой, Н.П.Пешковой. М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. 224 с.

Ранчин А. «На пиру Мнемозины». Интертексты Бродского. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 464 с.

Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти. М.: Просвещение, 1966. 422 с.

Соломоник А. Философия знаковых систем и язык. Минск: МЕТ, 2002. 408 с.

Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.

Чевтаев А.А. Триптих Н.Гумилева «Возвращение Одиссея»: эпический герой в лирическом нарративе. URL: http://vestnik.udsu.ru/2009/2009-053/vuu_09_053_09.pdf (дата обращения: 17.05.2011)

ON THE ROLE OF PROPER NAMES IN FORMATION OF SENSE OF THE POETIC TEXT (based on Joseph Brodsky's poems)

Natalya M. Nesterova

**Professor of Foreign Languages,
Linguistics and Cross-cultural Communication Department
Perm National Research Polytechnic University**

Marina U. Khudajberdina

**Post-graduate Student of Foreign Languages,
Linguistics and Cross-cultural Communication Department
Perm National Research Polytechnic University**

The article deals with the role of proper names in the formation of sense in the process of poetic text perception. Based on A.I. Novikov's semantic theory, the authors of the article analyse the sense-formation function of proper names. The choice of the data for the analysis is determined by a large amount of proper names in J. Brodsky's poems as well as by their cultural markedness and intertextuality. The paper presents the results of the experiment aiming at studying the role of proper names in perception of the sense of poetic texts and verifying the authors' point of view. The obtained data confirms that proper names play the role of actualisators of sense in the poetic text perception.

Key words: text; proper name; allusive; precedent; meaning; content.